

Виктор Тюрин

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Т98

Серия «Попаданец»
Выпуск 30

Оформление обложки *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Т98 Тюрин, Виктор Иванович

Кодекс калибра .45 : роман / Виктор Тюрин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2017. — 384 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-105695-7

Америка периода «сухого закона». Как здесь выжить восемнадцатилетнему парню, попавшему из будущего в Чикаго — город, вобравший все человеческие пороки? Смириться с выпавшими на его долю трудностями, или, презрев закон и отринув мораль, выпустить внутреннего зверя? Раз мир жесток и беспощаден, он станет таким же. И он стал тем, кто держит этот город в страхе — стал гангстером.

Путь гангстера дал ему силу, деньги и власть, но забрал то, что делает человека человеком. Если раньше выражение «в Чикаго все можно купить или взять силой» герой считал своим девизом, то теперь любовь к девушке и ребенок, которого они ждут, заставляют искать другой путь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-105695-7

© Виктор Тюрин, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ПРОЛОГ

Оторвавшись от компьютера, потянулся. Всё! Игра закончена!

«Хорошая игрушка. Жаль, что закончилась. Ого! — мое восклицание относилось к неожиданно прогремевшему грому. Следом ударила молния — прочертив добела раскаленным клинком черное небо. Только тут я заметил, что за окном бушует гроза.

«Ну, ты, мальчик, заигрался. Даже не заметил, как гроза началась. Сколько времени? Ого! Уже третий час. Пора спать. Эх, хорошо, когда над тобой ничего не висит! Сессия за спиной, родители еще только через месяц вернутся. Живи и радуйся.... — Тут мои мысли перебил громкий вопль кота Гришки. — Чего это он?!»

Только я переступил порог своей комнаты, как мимо меня по темному коридору в сторону кухни промчался кот. Реакция животного, темнота и гроза за окном заставили невольно насторожиться. Прислушался, но кроме стучащего в окна дождя — ни одного постороннего звука. Подойдя к гостиной, замер и снова прислушался. Из полуоткрытой двери комнаты не было слышно ни звука. Мысленно упрекнув себя в нерешительности: «Что ты, как маленький, страшилки себе придумываешь?!» — шагнул через порог, одновременно толкая дверь. Тишина и знакомые очертания мебели сняли напряжение. Хотел включить свет, но передумал.

«Ерунда. Ничего тут нет. Гришка просто грозы испугался».

Сделал два шага... и вдруг из-за плоского экрана телевизора, висевшего на стене, выплыл бело-голубоватый, чуть искрящийся шар. Сначала я оцепенел, за-гипнотизированно глядя, как ко мне по воздуху плавно плывет клубок энергии, но потом в памяти неожиданно всплыли правила поведения при встрече с шаровой молнией, вычитанные как-то в Интернете.

«Следует замереть и наблюдать за движением молнии. Если она приближается к вам, то нужно осторожно отойти или отклониться от пути её движения. При этом соблюдать главное правило: не следует убегать от шаровой молнии, потому что возникший поток воздуха может увлечь её за вами».

Когда та приблизилась ко мне на расстояние метра, я сделал два медленных шага в сторону, уходя с ее пути. Сгусток энергии продолжал двигаться в прежнем направлении, мимо меня. Напряжение стало отпускать меня по мере того, как ощущение опасности стало уступать чувству любопытства. Я уже стал жалеть о том, что мобильник остался в моей комнате, и нельзя сделать фото, как в следующую секунду шар, резко изменив направление, понесся ко мне, словно его тянула неведомая сила. Я отпрыгнул в сторону, на долю секунды потеряв молнию из поля зрения, и только начал поворачивать голову, чтобы определить ее местоположение, как почувствовал сильнейшую вспышку боли внутри черепной коробки. Мозг словно горел.

— А-а-а!!

ГЛАВА 1

Открыв глаза, увидел, что лежу на дощатом полу товарного вагона, который дергался и качался, грохоча на стыках рельсов. Несколько минут ошеломленно взирал то на деревянные стены, то на зеленую равнину, которая убегала вдаль в проеме полуоткрытой двери вагона, затем вскочил на ноги, стал оглядываться, крутя головой в разные стороны. Остатки сена на полу, дощатые стены... Вдруг воздух пререзал гудок паровоза. Он словно встряхнул мой мозг, выведя из состояния полного ошеломления. Практически не осознавая того, что делаю, подошел к открытой двери. Начинался рассвет. Равнина сменилась густым лесным массивом, который тянулся чуть ли не до самого горизонта. Свежий ветерок, забравшийся под мою рубашку, заставил меня невольно поёжиться. Я видел и чувствовал все то, что меня сейчас окружало, но при этом логика моего сознания наотрез отказывалась воспринимать это как реальность. Неожиданно вагон резко трянуло, и, чтобы удержаться на ногах, мне пришлось ухватиться за край двери, а уже в следующую секунду я почувствовал боль, словно в палец вонзили иголку. Сделав шаг назад, поднес палец к глазам, затем аккуратно поддел и выдернул занозу. Мгновенный укол боли — и на подушечке пальца выступила маленькая капелька крови. С минуту рассматривал, затем растер между подушечками пальцев. Чувство нереальности происходящего продолжало

бороться во мне с тем, что я сейчас видел, чувствовал и ощущал.

«Этого не может быть! — говорила одна часть меня, а другая ей возражала, правда не столь уверенно: — Боль, которую только что ощутил, куда отнести? А вагон? Все то, что вижу вокруг? Да та же кровь! Вот посмотри! Ее следы....».

Взгляд, брошенный на палец со следами крови, неожиданно заставил увидеть то, что каким-то непонятным образом прошло мимо моего внимания. Сердце дрогнуло, остановилось, а затем застучало так быстро и часто, словно пыталось обогнать перестук вагонных колес. В некоторой прострации я покрутил перед глазами кистью правой руки, потом левой, затем сжал пальцы в кулаки. Эти телодвижения были непроизвольной реакцией мозга на осознание того факта, что я... нахожусь в чужом теле.

«Нет! Это сон. Кошмарный сон. Меня ударило молнией... Я сейчас дома. А все это... дурной сон».

Плохо было то, что в этой мысли не было той уверенности, подтвержденной массой мельчайших деталей, как у окружающего меня мира. Мой разум, как ни старался, ничего не мог ей противопоставить. Попытка хоть что-то сделать в подобной ситуации заставила меня приняться за осмотр тела «чужака». Широкие плечи, налитые упругой силой шары бицепсов, выпуклая грудь. Пробежал глазами по одежде. Грубые башмаки, которые давно не видели ваксы, линиялая рубаша некогда синего цвета, обтрепанные брюки серого цвета и почти новая джинсовая куртка.

«Качок какой-то... Не руки, а кувалды... Это разве одежда... Тряпье...» — обрывки мыслей снова невольно подтвердили тот факт, который никак не хотел признавать мозг, после чего мое сознание выбросило белый

флаг. Исподволь нараставший внутри меня страх, наконец, вырвался наружу, заставив бессознательно заметаться по вагону, подобно дикому зверю, попавшему в клетку. Наконец приступ панического страха выдохся, и вместо него пришли внутренняя опустошенность и растерянность. Не знаю, сколько времени я стоял у открытой двери вагона, глядя невидящим взглядом в пространство, пока в какое-то мгновение вдруг не понял, что ЭТО действительно произошло.

«Я оказался... Э... Перенесся. Но как?! Как это могло произойти?! И почему я?! Ну и история! Как же!.. Так не может быть! Не может! Мать вашу! Взять и оказаться... хрен знает где! Да-а-а... Я не понимаю! Другое место. Другое тело. Хоть тут повезло. Ведь меня могли засунуть в женское тело. Или вместо вагона оказаться в лодке посреди океана. Но как все же это произошло? Как?! Это бред! Самый настоящий бред... Стоп. Если это лишь необычная реакция мозга на удар электрическим током? А на самом деле все происходит только у меня в голове?»

Бросил отчаянный взгляд вокруг, пытаюсь найти хоть какую-то зацепку, способную подтвердить мою догадку, но — увы! Ничего, ни малейшего подтверждения, которое могло бы дать понять, что окружающая меня реальность всего лишь плод воображения, зато все кругом подтверждало то, во что мне так не хотелось верить. Чужое тело. Раскачивающийся на ходу вагон. Свежий ветерок, холодивший кожу. Проплывавший в проеме полуоткрытой двери лес. На смену растерянности и отчаянию неожиданно пришла ярость. Хотелось со всей силы бить, ломать и крушить. Кулаки сжались, тело напряглось... В следующий момент вагон дернуло, заставив меня резко пошатнуться. Резкий рывок, выведя меня из физического равновесия,

неожиданно встряхнул мое сознание, вернув ему логичность мышления.

«Какой толк злиться! И на кого?! Случилось, значит, случилось! Прими это как факт на данный момент и начинай думать! Так, что у нас? Перемещение сознания в другое тело. Классический вариант. Следующий вопрос: где я? Гм. Альтернативный мир... или другое время. Попробую определиться».

Подошел к двери. Поезд, обойдя лес по дуге, оставил его позади и сейчас нёсся среди зелёной, не имевшей конца и края равнины. Высунув голову из проема двери, я посмотрел вперед, по ходу поезда, и почти сразу увидел на фоне голубого неба пока еще смутные, но с каждой минутой обретающие все более четкие очертания небольшого человеческого поселения. Все эмоции, бурлящие во мне, временно отступили назад, дав место жадному нетерпеливому любопытству, словно этот населенный пункт мог стать ответом на все мучившие меня вопросы.

Это был поселок в тридцать пять — сорок домов, вокруг которых раскинулись возделанные поля, а на лугах паслись лошади и коровы. Не менее полусотни человек, мужчин, женщин и детей различного возраста, работали в полях и приусадебных участках. Люди как люди, но вот, как они выглядели, и то, что их окружало, только подтверждало версию попаданца. Никаких тракторов, только плуги и косилки на конной тяге. Из техники, насколько я мог видеть, в поселке было только три грузовых пикапа. Это были... грузовички марки «Форд», выпускавшиеся в 20-х годах прошлого столетия в Америке. Увлечшись игрой «Мафия», я невольно заинтересовался этим периодом времени, прочитав о нем несколько десятков статей в Интернете. Нередко те были иллюстрированы фотографиями, и мне всегда было не-

множко смешно смотреть на угловато-грубые формы автомобилей того времени.

«Теперь не смешно, а скорее... Хватит ныть! Значит, у мужчин — широкополые шляпы, подтяжки, тяжелые ботинки. Женщины... все как одна в длинных платьях. Дома — сплошь дерево. Большие веранды. Еще был негр, работавший в поле. И... лошади. Вывод: я провалился... в прошлое. Судя по всему, это Америка. 20–40-е годы».

Получив прямые доказательства переноса в чужое время, я неожиданно почувствовал тоску. Она была острой, щемящей, но размытой и неопределенной, так как я разом потерял все, что имел. Родителей, личность, прошлое. Осталось только мое «я», но и оно было вложено в чужое тело. Правда, при этом трагизм положения частично скрашивался тем, что я попал не в столь далекое прошлое, к тому же великолепно зная язык этой страны, что нельзя было сказать об углубленном знании истории этого периода. Как бы то ни было, все это дало мне некоторое ощущение уверенности в своих силах. Правда, не настолько сильное, чтобы почувствовать себя в чужом мире, как дома, но его вполне хватило, чтобы пристыдить себя за мое недавнее поведение.

«Вел себя, как малыш. Честное слово! Только что не кричал: мама!»

С того самого момента, когда окончательно понял, что пойду по стопам отца, я стал культивировать в себе выдержку и самообладание, считая их необходимыми качествами характера человека для своей будущей работы. Дело в том, что я вырос в семье потомственных дипломатов, и отец был для меня примером человека, умеющего при любых условиях владеть собой. Тренинги и тренировки помогли развить и укрепить

выдержку, хладнокровие и умение принимать логически выверенные решения в любой обстановке. Я шел к своей цели четко отмеренными и выверенными шагами. К семнадцати годам в совершенстве знал английский язык и прилично изъяснялся по-французски. Затем поступление в университет... Я рассчитывал и планировал каждый шаг, а теперь все рухнуло! В один миг! Эта... нелепость перечеркнула всё! Мою жизнь, мое будущее! Сидевшее глубоко во мне отчаяние породило ярость, которая вспыхнула во мне, но почти сразу погасла, взятая под контроль.

«Хватит психовать! Лучше думай и анализируй! Начнем с тела. Судя по рукам, этот парень занимался физическим трудом. Гм! Может, кузнецом работал? Или фермер? Только вот почему он оказался в товарняке? Едет в поисках работы? Или в бегах? Уголовник? Хм! Не хватало увидеть его физиономию возле полицейского участка, где вывешивают объявления “найти преступника”. Нет. Вряд ли. Роба не арестантская, да и следов от кандалов нет. Думаю... он едет в поисках работы. Стоп! Может, у него в карманах есть какая-нибудь бумага или документ?»

Пошарив в карманах, я выудил на свет всего лишь пару монет. Одну из них нашел в брюках, а другую — в кармане джинсовой куртки. Один цент и четверть доллара. Четверть выпуска 1920 года выглядела совершенно новой, а цент был постарше — 1909 года. Надписи на обеих монетах гласили: «United States of America», «In God We Trust». Последняя фраза в переводе означала фразу «Мы верим в Бога». Профиль Линкольна на центе окончательно утвердил меня в мысли, что я попал в Америку начала двадцатого века.

«Значит, Америка. 1920–1930 годы. Что я знаю об этом периоде?»

Некоторое время перебирал в уме исторические подробности этого периода, пока не понял, что знаю не столько о жизни людей Америки, сколько о зарождении и развитии организованной преступности того времени, да и то только в двух городах. Нью-Йорк и Чикаго.

«Сейчас в Америке, если, конечно, все, как я думаю, период “сухого закона”. Автомобили Форда потоком сходят с конвейера. Всеобщее развитие телефона и радио. Закладываются основы для будущих миллиардных состояний. Как потом будут писать: “это было время, когда делались состояния”. Кстати, папаша братьев Кеннеди сколотил свое состояние на продаже спиртного именно в этот период. Гм, а как обстояли тогда дела с техническими новшествами? Телевизора точно еще нет. Транзисторный приемник? Еще позже. Микроволновка. Отпадает. Холодильник? Вроде есть. Да что я перебираю! Я знаю про многие вещи, которые перевернут мир, только вот какими словами объяснить ученым об устройстве микроволновой печи, не говоря уже о микросхемах? Хотя нет. Есть идея! Шариковая ручка! Ее изобрели в тридцатых или сороковых годах! Венгр. Журналист. Читал об этом изобретении статью. Американец тогда еще присвоил себе его изобретение, запатентовав его в США на свое имя. Ведь тогда изобретения регистрировались в каждой отдельно взятой стране. Хороший шанс разбогатеть! Одна зацепка есть. Еще... Вспомнил! Чизбургер. Тот должен появиться только в 1928 году. Еще... Ладно, не все сразу! Покопаясь в памяти и обязательно вспомню еще! Не пропаду! Интересно, что за четвертак здесь можно купить? Если судить по рассказам О’Генри, писавшем о тех годах, то продавщица зарабатывала... шесть долларов в неделю. Впрочем, не факт. Так как в точности не помню, о каких годах шла речь, но думаю, что на один раз поесть хватит,

а может даже на два. Интересно, как у них с работой дело обстоит? Впрочем, это уже на месте надо смотреть. Что я умею? Знаю компьютер, французский и русский языки, умею водить машину. Может, кому-нибудь переводчик понадобится? Например, в порту. Ха! Займусь предсказаниями! Слушайте меня, люди! Слушайте! В тридцать третьем году придет к власти Адольф Гитлер! Он предвестник Второй мировой войны! Нет! Роль балаганного зазывалы явно не моя! Надо будет попробовать устроиться в международную торговую фирму. Освоюсь, а потом можно замутить свой бизнес. В любом случае мне повезло, что я попал в Америку, а не в Советскую Россию... Брр! Сейчас там такое творится...»

Спрятав монеты в карман, снова подошел к двери. За поездом ползли, заполняя горизонт, грозовые серо-черные тучи. Стало жарко и влажно; казалось, жар поднимался от земли и зависал над ней — густой, насыщенный влагой. Неожиданно захотелось спать. Отойдя вглубь вагона, снял куртку, затем, свернув ее, пристроил в качестве подушки. Не успел положить на нее голову, как тут же уснул. Снова проснулся оттого, что вокруг меня что-то изменилось. Поднял голову, пытаясь понять, пока не сообразил: не так сильно раскачивало вагон. Поезд замедлял ход. Вскочил и подошел к дверному проему. От грозовых туч не осталось ни следа. На ярко-голубом небе светило солнце, а впереди темным пятном вырисовывались контуры большого города. Деталей различить я не мог, как ни всматривался. Отойдя от двери, снова сел. В сердце закралась тревога.

«Люди прошлого. Мы же настолько разные! Как они меня примут?»

Чтобы как-то отвлечься, поднял с пола куртку и стал тщательно ее отряхивать. Потом заметил, что на руках налет сажи и тут же попытался вытереть их о брюки.

«Черт! У меня, наверно, и лицо такое!»

Снова снял куртку, а затем ее изнанкой вытер свое лицо. После чего снова осмотрел себя. Атлетическое сложение, жесткие ладони, ногти с вьёвшимися черными ободками.

«Точно! Фермер, строитель или нечто подобное».

Застиранный рубаша и потрепанные штаны говорили о том, что мой социальный статус весьма невысок.

«Хм! Готовился стать дипломатом, а стал бродягой! Отличное перевоплощение, нечего сказать!»

Смех, выданный из себя, был настолько жалок, что я был только рад, когда тот утонул в однообразном грохоте стальных колес. Снова выглянул. Город заполнил весь горизонт. Среди подавляющего количества домов, в три-пять этажей, возвышалось только около трех десятков высотных зданий. Отойдя вглубь вагона, чисто инстинктивно, стал приводить себя в порядок, словно шел в гости к незнакомым людям. Сначала попытался расправить складки на бесформенных штанах, затем сделал попытку пригладить волосы, как вдруг повеяло тяжким духом. Тут же выглянул в проем двери, чтобы понять, что может так противно пахнуть. В этот момент поезд проезжал мимо обветшалых кирпичных двух-трехэтажных домов, покрытых копотью и грязью.

«Мать моя! И здесь живут люди?!»

Рельсовых путей становилось все больше и больше. По обеим сторонам вагона мелькали вереницы других товарных вагонов, и состав, в котором я ехал, переходил с одной колеи на другую. Паровоз теперь почти полз в огромном пространстве, наполненном грохотом колес, паровозными гудками, дымом и вагонами, прибывшими со всех концов страны.

«Как мне с ними говорить? — мысли лихорадочно заматались, ища набор подходящих слов и фраз,